DOI: 10.18522/2073-6606-2015-4-17-30

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: НОВАЯ ПАРАДИГМА НА ОСНОВЕ СТАРОЙ ИДЕИ

С.М. ПЯСТОЛОВ,
доктор экономических наук, профессор,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
г. Москва, Россия,
e-mail: Ibs-piast@mail.ru

В статье обсуждаются современные феномены, происходящие в социо-экономико-экологической сфере Земли, которые различными научными школами интерпретируются как «геологическая эра антропоцена», «колонизация экосистемы Земли», «рыночный энвайронментализм», «экологическая модернизация капитализма».

В рамках формирующейся парадигмы политической экологии (ПЭ), где политика и власть уже становятся предметами исследования, доминирующей является концепция «экологической модернизации» (ЭМ), однако за псевдодихотомией «утилитарного» и «романтического» она скрывает реальные причины конфликтов интересов, лежащих в основе глобального экологического кризиса. Анализ процессов становления парадигмы ПЭ позволил высветить ключевой элемент концепции ЭМ, каковым, по мнению автора, является концепция отчуждения, вновь раскрываемая в трудах марксистского направления, где речь идет о «новой неолиберальной природе капитала».

Отчуждение как феномен проявлено на различных уровнях. В научной сфере оно имеет характер «эпистемологического» и обусловлено узкой специализацией в большом числе направлений современных медицинских, биологических, экономических, социологических, экологических и других исследований. Задача преодоления такого отчуждения решается путем формирования единых подходов к организации трансдисциплинарных исследований применительно ко всему «древу жизни».

В эколого-социально-экономических сферах данный феномен проявляется в форме отчуждения людей от среды обитания, а также отчуждения особых природных зон («зон жертвы») и других элементов планетарной экологической системы, что обусловлено природой капитала. Автор считает, что необходимо признать политику и власть частью «мира – соглашения», в котором существует экология. Преодоление существующего отчуждения должно быть признано насущной задачей здравомыслящего сообщества, и начать эти процессы следует с открытого объявления ценностей.

Ключевые слова: *политическая экология; экологическая модернизация капитализма; зоны отчуждения; марксистский подход*

© С.М. Пястолов, 2015

POLITICAL ECOLOGY: A NEW PARADIGM ON THE BASIS OF OLD IDEA

SERGEY PYASTOLOV,
Doctor of Economics (DSc), professor,
Senior Research Fellow, INION RAS, Moscow, Russia,
e-mail: piasts@mail.ru

The paper discusses the modern phenomena occurring in socio-economic-ecological spheres of the Earth which are interpreted by various schools of thought as «a geological era of Anthropocene», «colonisation of the Earth's ecosystem», «market environmentalism», «ecological modernization of capitalism».

Within the limits of a paradigm of political ecology (PE) under formation where policy and power have already become the research objects, the concept of «ecological modernization» (EM) is dominating, although it hides behind the «utilitarian» and «romantic» pseudo-dichotomy the real reasons of conflicts of the interests underlying global ecological crisis. The analysis of processes of formation of the PE paradigm has allowed to highlight the key element of the EM concept which, by the author's opinion, is the concept of alienation newly discovered in works of modern Marxists where it usually accompanies the concept of «the new neoliberal nature of capital».

Alienation as a phenomenon which reveals itself at various levels. It shows an epistemological character in academic sphere which is caused by narrow specialization in a vast number of directions of modern medical, biological, economic, sociological, ecological and other types of research. The problem of overcoming of such an alienation could be solved with the help of transdisciplinary research and commonly accepted approaches to the «life tree».

In ecological, social and economic spheres the phenomenon under consideration reveals itself in the form of alienation of people from their living places, and also alienation of special zones («zones of sacrifice») and other elements of planetary ecological system that is caused by the nature of capital. The author argues that it is necessary to recognize policy, power and ecology to be parts of the same «world – convention». Overcoming of existing alienation should be recognized as an essential problem of a healthy minded community, and these processes should start from an open declaration of values.

Keywords: *political ecology; ecological modernization of capitalism; zones of sacrifice; the Marxist approach*

JEL classifications: *P16, Q27, Q57*

Введение

Начиная с периода промышленных революций, экономическая история, по существу, является историей отчуждения человека от производства, как системы, ориентированной на цели экономического роста. Концепция отчуждения, сформулированная в трудах К. Маркса в аспекте отчуждения работника от средств производства и от результатов труда, развиваясь в прошедшие полторы сотни лет довольно неспешно (преимущественно в области философии), получила существенный импульс, прежде всего со стороны социологии. Интерес к данной концепции, если брать картину в целом, сегодня подогревается как общим интересом к альтернативным мейнстриму теориям ввиду продолжающегося глобального экономического кризиса, так и в связи

с обострением экологических проблем с еще большим их включением в политический контекст.

Так, ряд авторов журналов «Экология и политика» (Environmental science & policy), «Геофорум» (Geoforum) и др. (*McCarthy* and *Prudham, 2004; Milkoreit et al., 2015; Nel, 2015*) говорят о «новой неолиберальной природе капитала», в рамках которой отчуждению подвергаются уже элементы планетарной экологической системы. Но в сегодняшних условиях это происходит не так грубо, как еще три столетия назад, когда, например, «овцы съедали людей», сегодня это, даже в какой-то степени изящная, «хореография жертвы» («the choreography of sacrifice»), как пишет А. Нел (*Nel, 2015*). Данные феномены социо-экономико-экологической сферы представлены автором в общих чертах, и их анализ позволяет вести речь о формировании новой парадигмы политической экологии, выстраиваемой на основе модернизируемой концепции капитала.

Наука об «упругости экосистем»

Большинство ученых сходятся в том, что совокупное влияние деятельности человека на процессы планетарного масштаба стали сегодня настолько существенными, что можно уверенно говорить о новой геологической эре – *антропоцене*[1] (*Anthropocene: Verburg et al., 2015*). Одним из явных показателей в этой связи считается повышение выбросов парниковых газов, наблюдаемых с начала промышленной революции, приблизительно 250 лет назад.

С 2009 г. группа исследователей во главе с Й. Рокстромом (директором Центра устойчивого развития в Стокгольме) начала работу по формированию и популяризации понятия планетарных границ – это набор пороговых значений экологических параметров на планетарном уровне, которые человечество не должно превышать. Рокстром и его коллеги получили поддержку со стороны ООН, и понятие планетарных границ было включено в концепцию SDG (the post-2015 Sustainable Development Goals) (*Sustainable, 2015*).

Тревожные выводы ученых основаны на таких фактах, как то что с 1800 года поглощение антропогенной эмиссии CO_2 океанами уменьшилось с 30 до 24%, полная эмиссия CO_2 увеличилась с 280 ppm до приблизительно 400–500 ppm, что является критическим значением. Всего определено 9 такого рода индикаторами, которые и названы «планетарными границами», и по состоянию на сегодня как минимум 3 индикатора превысили критические значения (подробнее см., напр., *Планетарные границы, 2015*).

Способность экосистемы планеты поддерживать свое состояние зависит и от того, насколько ей это позволяют делать созданные человеком системы – социальная, экономическая, технологическая и др. Исследования, которые отталкиваются от этого положения, объединены сегодня в рамку формирующейся парадигмы политической экологии. Фактически в той же области работают ученые, считающие себя сторонниками концепции «упругости» (Resilience scientists) и подчеркивающие нормативные аспекты своих выводов, а соответствующее направление называется «наука упругости» (Resilience science).

Социально-экологическая упругость – «способность системы поглотить возмущение и реорганизовать, претерпевая изменение, и сохранить по существу прежние функцию, структуру, идентичность и обратные связи» (*Milkoreit et al., 2015. P. 89*). Большая часть недавних публикаций представляет упругость как нормативное понятие, рассматривая ее в качестве желательной системной особенности. Парадигма упругости появилась в экологии благодаря работе Холлинга и коллег (*Holling, 1973*), которые организовали Союз упругости (Resilience Alliance) – научное объединение ученых и практиков,

[1] Данные геологии свидетельствуют о том, что начало *антропоцена* может быть определено периодом с 1610 по 1964 год. Однако данный термин в научном дискурсе существует пока неофициально.

которые ведут исследования динамики социально-экологических систем и развивают теорию посредством реализации совместных проектов. В результате этой работы были, в частности, развиты другие связанные с упругостью понятия: панархия и адаптивный цикл, критические переходы (определенный тип нелинейного изменения). Применение этих понятий осуществляется не только к экологическим системам, но и к социально-экологическим.

Можно заметить, что с «сообществом упругости» смыкаются марксисты, которые часто обращаются к теориям упругости в научных разработках, освещающих проблемы экологической политики (*Halsey, 2006; Milkoreit et al., 2015; Nel, 2015; Scott, 2010*). Следует заметить, что современная экология в той ее части, где определяются критические параметры экосистем, выходит на прямые взаимодействия с проблемами власти и политики (*Lynch et al., 2015; Milkoreit et al., 2015*).

Политика и власть, вообще говоря, не являются предметами исследования экологии как науки, устанавливающей предельные значения параметров «упругости» планетарной экосистемы, но они, неизбежно, являются как субъектами, в адрес которых направлены рекомендации этой науки, так и объектами, реакции и поведение которых исследуются и прогнозируются. Более того, политика и власть оказываются частью «мира – соглашения», в котором существует экология. И, осознавая себя в таком качестве, данная область науки вынуждена трансформироваться в «политическую экологию». В этой связи, возможно, следует остановиться на некоторой ограниченности конвенциального подхода и предложить версию его развития. Но это требует отдельного изложения, что будет предложено в последующих публикациях.

О растущей потребности в новом методологическом инструментарии говорит, в частности, тот факт, что в мировой политике сложилась группа экологических НКО, деятельность которых создает предпосылки для формирования новых понятий и научных категорий и, соответственно, новых подходов в политике. Это – Всемирный фонд дикой природы (World Wide Fund for Nature – WWF), Общество сохранения дикой природы (Wildlife Conservation Society – WCS), Международный союз для сохранения природы (International Union for the Conservation of Nature – IUCN), которые включают в свои программы вопросы экологического регулирования (*MEA, 2005; REDD; Sustainable; The Role of Ecosystems, 2010; Uganda, 2012*).

Эти процессы сопровождаются жаркими спорами по поводу возможных версий «материализации» и квантифицирования желаемых эффектов так называемого *зеленого управления* (еще один из вновь возникающих терминов: *Restall, 2015*). Эти работы предлагают разнообразные, часто существенно отличающиеся подходы (см. некоторые из более чем 450 000 ссылок в *google* по теме «экологическое управление» и «передовые практики», на английском: *environmental management* and *best practices*). Но, в целях нашего исследования особый интерес представляют изыскания, выполненные в марксистской и фуконианской традициях[2].

Так, Р. Уоллес и др. используют метод количественного определения отношений между кругооборотами финансового капитала и появлением новых болезней в различных регионах мира, а также их последующей динамикой, включая генетические мутации и социопространственное распространение болезнетворных микроорганизмов (*Wallace et al., 2015*). Разрабатываемая в ответ на эти вызовы структурная концепция Единого здоровья (One Health Initiative) позволяет опытным путем формализовать связи между изменениями в экосистемах, вызванными движениями капитала, и перейти к описанию с этой точки зрения параметров дикой природы, сельского хозяйства и здоровья человека (*Wallace et al., 2015*).

[2] К сожалению, на русском языке не удалось найти работ по теме статьи, в которых научные идеи существенно бы отличались от идей иностранных первоисточников и были бы в достаточной мере структурированы. Хотя в России уже создан значительный задел в формате накопленных данных, материалов полевых исследований и философских рассуждений (см., напр.: *Кулясов, 2004; Политическая экология. Сообщество; Планетарные границы, 2015*).

Автор разделяет мнение тех экспертов, которые не согласны с тем, что социальные задачи и проблемы охраны окружающей среды могут быть решены посредством только технологических инноваций. Опыт показывает, что решение одной проблемы часто порождает другую. Например, многие думали, что идея выращивать зерновые культуры с целью производства биотоплива стала бы решением энергетических проблем, пока не стало очевидно, что это приводит к истощению почв и возможному дефициту продовольствия, росту цен на продовольственные товары и потере биологической вариативности. Кроме того, уверенность в могуществе технологий имеет опасные последствия в виде ложного чувства безопасности и порождает иждивенческие отношения, создавая иллюзию, что мы всегда будем находить решение текущих неотложных проблем в будущем.

В связи с темой формирования новой научной парадигмы вновь возникает вопрос о мотивациях и интересах ученых. В исследовании М. Милкоре и др. ученые, занятые исследованиями «упругости» экосистем, разделены по выбираемому ими варианту выбора: (1) идея «чистой науки», (2) гибрид: «чистая наука» + научно-административный интерес, (3) «наука = политика» (*Milkoreit et al., 2015*).

Интересы капитала явно, но чаще – неявно, прослеживаются в поведении представителей последней группы. Так, формирование концепции «услуги экосистем» сопровождает формирование особого рода рынка таких услуг (*Кулясов, 2004; Kull et al., 2015*). В отчете Совета мирового бизнеса по устойчивому развитию текущий объем мирового рынка услуг экосистем был оценен на сумму более 50 млрд долл. США. К 2020 году этот объем должен превысить 220 млрд долл. США, а к 2050 году составить 1 трлн долл. США (*Vision, 2050*).

Идея концепции услуг экосистем (УЭ) стала формироваться в конце 1990-х, начиная с момента публикации в журналах «*Природа*» (*Costanza et al., 1997*) и «*Наука*» в 1997 году (*Vitousek et al., 1997*). И в этом же году была опубликована книга «Услуги Природы: Социальная зависимость от естественных экосистем» под редакцией Г. Дэйли (G. Daily). В последующие несколько лет концепция услуг экосистем фигурировала в отчете «Оценка экосистемы тысячелетия» (*Millennium Ecosystem Assessment*), который был подготовлен в рамках Экологической программы ОНН (UNEP – United Nations Environment Programme) и профинансирован Всемирным банком, Фондом ООН, Фондом Паккард.

Понятие УЭ стало ключевым элементом в создании новых научно-исследовательских и управляющих систем высокого уровня, к которым относятся, в том числе, международные экологические программы, такие как TEEB (Economics of Ecosystems and Biodiversity – Экономика экосистем и биологической вариативности) и IPBES (Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services – Межправительственная платформа научной политики в области услуг экосистем и биологической вариативности).

Критически настроенные ученые рассматривают концепцию УЭ как выражение неолиберального подхода к вопросам охраны и воспроизводства окружающей среды, который оправдывает изменение природы в интересах определенных групп и «создает новые источники накопления капитала, сосредоточенные преимущественно в руках глобальной элиты» (*Kull et al., 2015, p. 123*). Главное направление критики УЭ основано на том, что это понятие оказывается инструментом сохранения неолиберальных рыночных оснований экологической политики или оказывается частью проекта «зеленого захвата», который создает новые рынки и легитимизирует рыночную власть новых экономических агентов.

В таком же ключе гармонизации интересов капитала и социально-экологической системы можно интерпретировать становление понятия «социально-экологический метаболизм» (Socioeconomic metabolism – SEM; *Pauliuk, 2015*), которое подразумевает существование границы между «человеческой нишей» и остальной частью гео-биосфе-

ры. Утверждается, что в эпоху антропоцена человечество должно управлять существенными глобальными биофизическими параметрами, непосредственно и косвенно воздействовать на биофизические процессы в большинстве экосистем Земли. Следовательно, порог контроля и граница между SEM и естественной глобальной окружающей средой могут сместиться, если человеческий контроль и влияние на глобальную экосистему продолжают выращивать и формировать глобальную социо-экологическую систему, наряду с естественными движущими силами

Кризис легитимизации для капитала

Под прикрытием подобных теоретических построений происходит «колонизация» экосистемы Земли. Колонизация, в ее «вегетарианском» толковании, соотносится с «планомерным и длительным преобразованием естественных процессов посредством организованных социальных вмешательств с целью повышения их полезности для общества» (*Pauliuk, 2015. P. 86*).

В то же время, хищническая суть империализма проявляет себя, в частности, в том, что представители частного и государственного капитала ускоренными темпами скупают природные активы, прежде всего земли сельскохозяйственного назначения, там, где это возможно, в больших объемах – на глобальном Юге. Обзор «Матрицы Земли» (*The Land Matrix Observatory, 2014*) насчитал 959 межнациональных сделок с землей, совершенных с июня 2014 года во всем мире, в общей сложности почти 36 млн га. Оклендский Институт (*2011*) насчитал 500 млн долл., которые инвестируют в одни только африканские земли сельскохозяйственного назначения, с ожиданиями отдачи до 25% за счет организации производства и передачи земли в управление на условиях арендных договоров, сроком на 99 лет и, в зависимости от соглашения, неограниченных прав на пользование водой, распределение прибыли и репатриации акций и льгот или сокращений таможенных сборов, НДС и налогов на прибыль (подробнее см.: *ГЭВУ, 2011; The Land Matrix*).

К сожалению, такая широкая экспансия капитала в природу сопровождается рядом негативных побочных эффектов. Так, обнаружено, что глобальные обороты капитала связаны с различными «сельскохозяйственно-/экологически обусловленными» заболеваниями, и подобные заболевания обнаруживаются в виде гео-локализованных вспышек распространений возбудителей таких опасных заболеваний, какие представлены, например, в Глобальной информационной базе заболеваний животных Организации по сельскому хозяйству и продовольствию США (*EMPRES Global Animal Disease Information System: EMPRES-I*; *One Health Initiative*).

Эффективному противостоянию глобальным угрозам такого рода мешает «эпистемологическое отчуждение», которое обусловлено узкой специализацией в большом числе направлений современных медицинских и биологических исследований (*EMPRES – I; Wallace et al., 2015*). Задача компенсирования отчуждения решается путем формирования единых подходов к организации исследований применительно ко всему «древу жизни». Область исследований, таким образом, включает (но не ограничивается) такие объекты, как дикая природа, домашний скот, зерновые культуры и собственно человек.

В то же время, в контексте экологического кризиса и изменения климата эксперты зафиксировали «кризис легитимизации» для капитала, который должен породить собственную форму участия в движении «рыночного энваронментализма» (market environmentalism), пытающегося обеспечить безопасность «окружающей среды» (*Кулясов, 2004; Halsey, 2006; Nel, 2015*).

Задача действительно актуальна, так как граждане почти всех стран ощущают растущий дискомфорт из-за потери вариативности природных пейзажей, снижения безопасности продуктов питания, сокращения запасов чистой воды, доступа к свежему воздуху и т.п. Для «широкой публики», в целях обоснования столь массовой экспансии в экосистемы, предлагается не только больший выбор «обычных» рыночных

благ, но и тезис о растущей необходимости и пользе так называемых зеленых предметов потребления, которые включают биотопливо, «экологически чистые продукты», преобразованные (окультуренные) территории для отдыха, а также устранение вредных последствий глобальных экологических изменений (климата, озонового слоя, тектонической ситуации и т.п.) (*Kull et al., 2015; Scott, 2010*).

Кризис легитимизации, по всей видимости, обусловлен, помимо прочего, проявлениями новых сущностных качеств капитала, в которых, обращаясь к трактовке Маккарти и Прадхэма, можно обнаружить его «неолиберальную природу» (*McCarthy* and *Prudham, 2004*). Эти качества определяют, в частности, современную специфику форм накопления, которая осуществляется посредством лишения прежних обладателей некоторых элементов прав собственности на природные ресурсы. Так, например, право на вырубку лесов на определенной территории можно получить путем приобретения так называемых углеродистых сертификатов у уполномоченной международной организации, не спрашивая мнения местных жителей, которые пользуются «услугами» данной экосистемы. Эксперты называют это «накоплением декарбогизации» или «углеродистым колониализмом» (Carbon colonialism: *Lyons* and *Westoby, 2014*). Это дополняет множество форм «зеленого захвата», а также маргинализации местных сообществ и отчуждения (*Fairhead et al., 2012; Scott, 2010*).

В этих явлениях видна, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: действия промышленников (промышленного капитала) создают отрицательные внешние эффекты в виде, например, изменения климата. Согласно неоклассической теории, последствия этих внешних эффектов должно устранять государство. Но национальные государства делегируют (продают) свои полномочия надгосударственным структурам, которые, в свою очередь, отдают право «производства общественных благ» на откуп транснациональным корпорациям. Так, совместными усилиями создаются «углеродистые рынки» (на которых продаются права на выброс определенных объемов CO_2, а также обязанности обеспечить его поглощение лесами). То есть происходит «фетишизация углерода» (по существу, воздуха, которым мы дышим). Здесь подразумеваемый растущий «дефицит экологических служб» увеличивает спрос на ценность, производимую природными ресурсами, которая становится товаром, и количество ее регулируется посредством ценовых механизмов.

Организационные механизмы

Один из примеров «энвайроментальной локализации рынка» описывает А. Нел, рассматривая развитие ситуации в Уганде, изображая процесс как проявление механизма транснациональной сборки (некой структуры, которая, по сути, представляет собой пищевую цепочку) путем неолиберализации лесоводческого сектора страны (*Nel, 2015*). Автор при этом отмечает, что преобразования, осуществляемые в данной стране, отражают современные более широкие изменения в экологическом наднациональном управлении. Эти изменения включают перекрывающиеся процессы «роста масштабов» («upscaling» – в которых задействованы надгосударственные структуры), «сужения масштабов» («downscaling» – переход к проектному уровню) и «вне масштабов» («outscaling» – напр., приватизация и отмена госконтроля) (*Nel, 2015*).

На уровне «роста масштабов» власти Уганды осуществляют взаимодействие с такими наднациональными структурами, как Управления лесного сертифицирования (Forest Stewardship Certification – FSC), Соглашение Организации Объединенных Наций по глобальному потеплению (United Nations Framework Convention on Climate Change UNFCCC), и Товарищества Всемирного банка по лесному углероду (World Bank's Forest Carbon Partnership Facility – FCPF). «Вне масштабов» происходят реформы существующего Лесного департамента Уганды (Uganda Forest Department – UFD), финансово поддерживаемое Программой управления лесными ресурсами и сохранения (Forest Resources Management and Conservation Programme, 1999–2003)

(*Nel, 2015; Uganda, 2012*), это проект, по итогам реализации которого в Уганде был создан новый набор институтов, обеспечивший привилегии деятельности по заготовке лесоматериалов.

С этой целью функции управления этим видом деятельности были переданы частным наднациональным юридическим лицам (таким как Структура ООН по глобальному потеплению), которые приступили к реорганизации управления непосредственно на государственных территориях – в этом случае были сформированы зоны промышленных лесозаготовок и центральных лесных заповедников (ЦЛЗ).

Национальному управлению по лесоводству (National Forestry Authority – NFA) было поручено заняться коммерческой посадкой деревьев в ЦЛЗ. Департамент поддержки лесного сектора (Forest Sector Support Department – FSSD) не получил достаточного финансирования, и большая часть функций управления лесными ресурсами осуществлялась «квазидецентрализованной и в значительной степени дисфункциональной» Окружной лесной службой (District Forest Service – DFS). Это сопровождалось процессами «снижения», в результате чего – ответственность за выбросы углекислого газа была передана корпорациям, управляющим плантациями и неправительственным организациям, которые выступают посредниками и продают «углеродистые кредиты»/сертификаты на «Добровольном рынке углерода» (Voluntary Carbon Market – VCM). Эта межнациональная «цепь – сообщество» (Community Forestry Management assemblage) на стадии становления скрепляется «узлами» формальных и неформальных соглашений.

Данное сообщество включает взаимодействующие на разных уровнях структуры, от международных неправительственных организаций – ECOTRUST, WCS, WWF, Всемирный банк, фонды из Норвегии, Дании; защитников экзотических деревьев; до широкого диапазона смежных сообществ Уганды – этнические группировки (включая Banyoro, Baganda, Bugisu и Batoro); бюрократы и технократы от NFA, Управления дикой природы Уганды и Национальное экологическое управление (National Environmental Management Authority – NEMA); составители лесных карт и документации; ученые и консультанты от таких организаций, как Пояс безопасности природы Уганда (Nature Harness Uganda – NAHI), которые количественно определяют сокращение эмиссии углекислого газа и таким образом фетишизируют его как фиктивный товар; сотрудники таких учреждений, как HSBC and Nedbank, Южная Африка, кто финансирует и коммерциализирует потоки выбросов углерода. И, наконец, в эту цепь включены непосредственно отчужденные территории, такие как провинция Альбертин на западе Уганды, области близ озера Виктория и горный массив Mt Elgon на востоке (*Uganda, 2012*), которые А. Нел предлагает рассматривать как отдельных субъектов (*Nel, 2015. P. 249*).

По мнению автора, можно вести речь о тенденции ре-территоризации в угандийском лесоводстве, которая сопровождается перераспределением ресурсов от территориальных институтов управления (с акцентом на отдельные лесные территории и обслуживание так называемых лесных владений) к «неолиберальным», основанным на принципах управления потоками. Ими управляют посредством коммодификации биомассы (когда товарные объемы измеряют в кубических метрах древесины и единицах сокращений эмиссии CO_2), что позволяет управлять количеством деревьев и людей на данной территории.

Другое множество проектов реализуется в Восточной и Южной Африке, куда инвесторов привлекает большой объем еще «не освоенных» земельных ресурсов, но где в связи с этим возникают и конфликты. Эксперты уделяют особое внимание проектам, предусматривающим отчуждение отдельных территорий и организацию «защищенных» областей (заповедников) (*Fairhead et al., 2012; Kortelainen, 2002; Nel, 2015*). Знаковым является участие в этих проектах таких структур, как REDD (Reducing Emissions from Deforestation and Forest Degradation – сокращение эмиссии за счет вырубки лесов и деградации), A/R CDM (Afforestation and Reforestation CDM – лесонасаждение/

восстановление лесных массивов Чистый Механизм развития) и добровольный рынок выбросов CO_2 (VCM).

К сожалению, для таких проектов типична картина, когда, вместо «прогрессивного лесоводства», наблюдается «разрушительная серия непоследовательных событий», в результате которых часть лесных угодий зонируется и подготавливается к восстановлению, но и заметная часть списывается как неназванный остаток на «необратимые потери», таким образом систематически причиняется ущерб лесу (Холси о лесном квартале Goolengook, Австралия) (*Halsey, 2006*).

В этой связи развивается идея «зон жертвы». Такие «потерянные зоны»/«зоны жертвы» по логике бухгалтерского учета относят к необратимым затратам и они оказываются «списаны в контексте разрушения окружающей среды во имя более высокой цели, такой как национальный интерес» (*Scott, 2010. P. 31*). Термин был первоначально применен во время холодной войны правительством США и военными чиновниками, чтобы описать такие территории, как атолл Бикини, которые отчуждались навсегда тестированием после ядерных испытаний или опасного производства.

А. Нел, один из авторов концепции зон отчуждения, признавая себя марксистом, пишет, что в своем рассмотрении он выходит за рамки «размышлений Фуко о сталинизме и нацизме», чтобы обратиться к биополитике: проблемам защиты окружающей среды и развития (*Nel, 2015*). Жертвы ради «экологии», по сути, являются свидетельством отчуждения людей от их среды обитания одновременно с устранением альтернатив, делая в этих условиях экологическую деградацию в некоторых местах необратимой, для того чтобы повысить благосостояние/экологическую защищенность в других местах.

Хищники и жертвы

Как можно заметить, в примерах «жертв ради экологии» показана типичная ситуация, которая в терминологии марксизма описывается как отношения хищника и жертвы. Хищниками, которые располагаются в конце «пищевой цепочки», являются транснациональные корпорации, но это незаметно на первый взгляд, ведь жертва определяется в результате довольно изощренной «хореографии».

Так, в примере организации плантаций для промышленных лесозаготовок в Уганде в числе участников и бенефициаров проекта обнаруживаются три из «большой четверки» ТНК, которые специализируются на внегосударственном управлении проектами «углеродистого» лесоводства. Они так же поддержаны фондами частного акционерного капитала и крупными институциональными инвесторами, при этом следует заметить, что эти структуры не стремятся к получению большой прибыли в коротком периоде, но заняты организацией новых финансовых потоков.

В процессе определения жертвы эксперты условно выделяют два этапа. На первом этапе устанавливаются место и границы сообщества – «выгодополучателя», его символические отличия от других, и это сообщество «освобождается» от опасности или угрозы (воспринятых или реальных). Как правило, «сообщество», которое будет «секьюритизировано», принадлежит глобальной государственно-капиталистической системе и располагается на Глобальном Севере.

На втором этапе определяются символические различия и границы сообщества / зоны жертвы. Как правило, это происходит на Глобальном Юге, однако события последних десятилетий на постсоветском пространстве, очевидно, свидетельствуют о росте аппетитов «хищников» и сокращении «кормовой базы», то есть о том, что зона Глобального Севера сжимается. Отдельного описания требует механизм «эйвайронментальной» обработки сознания жителей «зоны жертвы».

Вторая форма жертвы – неявная, она проявляется косвенно – через потерю биологической вариативности и увеличение вырубки лесов, что оказывается следствием «изменения территориальности средств лесоводства и последовательности ша-

гов социально-экономических агентов в русле хореографии неолиберального энвайроментализма» (*Nel, 2015, p. 252*)

Энвайроментализм в этом смысле служит индустриальным фетишем, который прикрывает реальное опустошение и создает витрину, например, в виде образцовых ферм и заповедников, предъявляя их как «стандартный и гомогенный идеал» (*McCarthy, Prudham, 2004; Nel, 2015*). Вообще говоря, данный феномен может интерпретироваться как «легитимизация смерти» (смерти тех форм жизни, что для избранных незначимы). Легитимизация действий, наносящих вред окружающей среде «в другом месте», соотносится, к сожалению, со многими пространственными траекториями, по которым развивается энвайроментализм, и в этой связи экологические социологи обращаются к термину М. Фуко («letting die» – пусть умирает).

Интересно также заключение экспертов о том, что возможные протесты против нелигитимных действий «больших парней» из надправительственных организаций и коррумпированных правительственных чиновников со стороны «маленьких людей» «купируются» тем, что «маленьким людям» по умолчанию формально дозволяется незаконная деятельность (незаконная вырубка леса, изготовление мебели и поделок из ценных/краснокнижных пород деревьев и т.п.). Очевидно, что в таких случаях, происходит размывание границ между законностью и незаконностью, между формальным и неофициальным. «Рука закона» карает очень дифференцированно, непропорционально вине, как правило вся и даже излишняя тяжесть закона падает на «маленьких людей» (продавцов нескольких куб. ярдов древесины Bwaise и неофициальных изготовителей мебели в Kabalagala (*Nel, 2015; Uganda, 2012*), в то время, как большие люди, имея политические связи, могут договориться о преодолении любых препятствий для своего бизнеса.

Обсуждение и выводы

Исследование дискурсов и пространственных распределений аналитических подходов в набирающем силу направлении политической экологии позволило выявить в качестве доминирующего так называемый технико-экологический подход, в рамках которого решения социоэкологического кризиса предлагается искать методами, основанными на моделях отношений между начальником и подчиненным (это в том числе – известная в институциональной экономике модель принципала – агента), которые в практическом применении могут быть разрушительными для местной экологии и культуры (*Sullivan, 2013*).

Дискуссии об экологическом управлении, проводимые в рамках данного подхода имеют тенденцию воспроизводить отчасти искусственно сформированную дихотомию в экологической мысли: принцип утилитарной логики (идея об интернализации «внешних эффектов») против утопических, отчасти романтических проектов (таких как защита разновидностей или заповедных ландшафтов).

Однако такого рода подходы фактически разделяют мир на людей и природу. В технико-экономико-экологических моделях люди рассматриваются в качестве потребителей, генерирующих спрос на экологические товары и услуги. Одним из самых существенных политическим проектов, развиваемых в данном направлении на основе фундаментальных научных разработок является проект «экологической модернизации» (см. описание в: *Кулясов, 2004*). Теория экологической модернизации устанавливает, что более эффективное использование природных ресурсов наряду с институциональной модернизацией капитализма (что будет способствовать необходимой эффективности) станут средством разрешения экологического кризиса. Это также «подтверждается» фактами уменьшающегося воздействия на окружающую среду, обнаруживаемыми в макроэкономических данных по «экологически модернизированным» странам на Глобальном Севере и быстро развивающимся странам.

Подход, предлагаемый сторонниками марксистской политэкономии, позволяет обойти упомянутую выше «ложную дихотомию» и обратиться к более надежной модели капиталистических интересов и организации кругооборота ресурсов, денег, товаров и услуг с целью с получения управления этими потоками. При этом сама окружающая среда преобразуется в средство обеспечения интересов определенных групп, и логика рынка распространяется на новые области.

В то же время, в виду обострения экологических проблем, которые сегодня подразделяют на «злые» или «суперзлые» (*Levin et al., 2012; Milkoreit et al., 2015*), политики, принимающие решения, требуют научного одобрения и гарантий того, что планетарные границы не будут пересечены, и человечество остается в желательном системном состоянии. Неудивительно, что в этой связи вновь поднимаются фундаментальные вопросы о политической власти научных понятий и идей.

Однако, при всей сложности рассматриваемых проблем, нельзя не согласиться с утверждением А. Стирлинга, который в своей статье о задачах социальных наук в связи с экологическими аспектами трансформации энергетики написал, что «там, где ценности объявлены открыто, это не только снижает число спорных вопросов в социологических исследованиях энергетики, но и уверенно препятствует формированию знания в интересах бюрократии» (*Stirling, 2014. P. 91*). Добавим, что это должно относиться не только и не столько к бюрократии национальных государств, сколько к администраторам наднациональных негосударственных структур и транснациональных корпораций.

ЛИТЕРАТУРА

ГЭВУ (2011). Землепользование и иностранные инвестиции в сельское хозяйство. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим.

Кулясов И.П. (2004). Экологическая модернизация: теория и практики. СПб.: НИИХ СПбГУ.

«Планетарные границы» – зоны безопасного существования человечества на Земле (2015) // *НАУКА В МИРЕ*, № 19 (2), с. 9–11.

Политическая экология. Сообщество (http://www.s-pe.ru/about-us/case-history).

Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber S., Grasso M., Hannon B., Limburg K., Naeem S., O'Neill R.V., Paruelo J., Raskin R.G., Sutton P., and *van den Belt M.* (1997). The value of the world's ecosystem services and natural capital // *Nature*, no. 387, pp. 253–260.

Fairhead J., Leach M. and *Scoones I.* (2012). Green grabbing: a new appropriation of nature? // *Journal of Peasant Studies*, no. 39 (2), pp. 237–261.

Fri R.W. and *Savitz M.L.* (2014). Rethinking energy innovation and social science // *Energy Research & Social Science*, no. 1, pp. 183–187.

Global Animal Disease Information System: EMPRES-i (http://giasipartnership.myspecies.info/en/content/fao-empres-i-global-animal-disease-information-system).

Halsey M. (2006). Deleuze and Environmental Damage. London: Ashgate.

Holling C.S. (1973). Resilience and stability of ecological systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*, no. 4, pp. 1–23.

Kortelainen J. (2002). Experience of Ecological Modernization in Forest Industry / In: *Kortelainen J.* and *Kotilainen J. (ed.)* Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Developments. Joensuu: Univ. Joensuu, Karelian Inst.

Kull C.A., de Sartre X.A. and *Castro-Larrañaga M.* (2015). The political ecology of ecosystem services // *Geoforum*, no. 61, pp. 122–134.

Levin K., Cashore B., Bernstein S. and *Auld G.* (2012). Overcoming the tragedy of super wicked problems: constraining our future selves to ameliorate global climate change // *Policy Sciences*, no. 45 (2), pp. 123–152.

Lynch A.J.J., Thackway R., Specht A., Beggs P.J., Brisbane S., Burns E.L., Byrne M., Capon S.J., Casanova M.T., Clarke P.A., Davies J.M., Dovers S., Dwyer R.G., Ens E., Fisher D.O.,

Flanigan M., Garnier E., Guru S.M., Kilminster K., Locke J., Mac Nally R., McMahon K.M., Mitchell P.J., Pierson J.C., Rodgers E.M., Russell-Smith J., Udy J. and *Waycott M.* (2015). Transdisciplinary synthesis for ecosystem science, policy and management: The Australian experience // *Science of the Total Environment*, no. 534, pp. 173–184.

Lyons K. and *Westoby P.* (2014). Carbon colonialism and the new land grab // *Journal of Rural Studies*, no. 36 (3), pp. 13–21.

McCarthy J. and *Prudham S.* (2004). Neoliberal nature and the nature of neoliberalism // *Geoforum*, no. 35 (3), pp. 275–284.

MEA (Millennium Ecosystem Assessment). Ecosystems and Human Well-being: Biodiversity Synthesis (2005). Washington, DC: Island Press.

Milkoreit M., Moore M.-L., Schoonc M. and *Meek C.L.* (2015). Resilience scientists as changemakers–Growing the middle ground between science and advocacy? // *Environmental science & policy*, no. 53, pp. 87–95.

Nel A. (2015). The choreography of sacrifice: Market environmentalism, biopolitics and environmental damage // *Geoforum*, no. 65, pp. 246–254.

One Health Initiative (http://www.onehealthinitiative.com/).

Pauliuk S. and *Hertwich E.G.* (2015). Socioeconomic metabolism as paradigm for studying the biophysical basis of human societies // *Ecological Economics*, no. 119, pp. 83–93.

REDD (www.un-redd.org/).

Restall B. and *Conrad E.* (2015). A literature review of connectedness to nature and its potential for environmental management // *Journal of Environmental Management*, no. 159, pp. 264–278.

Scott R. (2010). Removing Mountains: Extracting Nature and Identity in the Appalachian Coalfields. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Stirling A. (2014). Transforming power: Social science and the politics of energy choices // *Energy Research & Social Science*, no. № 1, pp.83–95.

Sullivan S. (2013). Banking nature? The spectacular financialisation of environmental conservation // *Antipode*, no. 45 (1), pp. 198–217.

Sustainable Development Goals (https://sustainabledevelopment.un.org/topics/sustainabledevelopmentgoals).

The Land Matrix Observatory (www.landmatrix.org/).

The Role of Ecosystems in Developing a Sustainable «Green Economy» (2010). UNEP Policy series. Policy brief 2-2010.

Uganda 2012. Timber Movement and Trade in Eastern DRC and Destination Markets in the Region (2012). WWF-Uganda, Kampala.

Verburg P.H., Dearing J.A., Dyke J. G., van der Leeuw S., Seitzinger S., Steffen W. and *Syvitski J.* (2015). Methods and approaches to modeling the Anthropocene // *Global Environmental Change*. (In press) (http://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.08.007).

Vision 2050 (http://www.wbcsd.org/vision2050.aspx).

Vitousek P.M., Mooney H.A., Lubchenco J. and *Melillo J.M.* (1997). Human domination of earth's ecosystems // *Science*, no. 277 (5325), pp. 494–499.

Wallace R.G., Bergmann L., Kock R., Gilbert M., Hogerwerf L., Wallace R. and *Holmberg M.* (2015). The dawn of Structural One Health: A new science tracking disease emergence along circuits of capital // *Social Science & Medicine*, no. 129, pp. 68–77.

REFERENCES

HLPE (2011). Land tenure and international investments in agriculture. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome. (In Russian.)

Kulyasov I.P. (2004). Ecological modernization: the theory and expertise. Saint-Petersburg. (In Russian.)

«Planetary borders» – zones of safe existence of mankind on the Earth (2015). *THE SCIENCE IN THE WORLD*, no. 19 (2), pp. 9–11. (In Russian.)

Political ecology. Community (http://www.s-pe.ru/about-us/case-history. (In Russian.)

Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber S., Grasso M., Hannon B., Limburg K., Naeem S., O'Neill R.V., Paruelo J., Raskin R.G., Sutton P., and *van den Belt M.* (1997). The value of the world's ecosystem services and natural capital. *Nature*, no. 387, pp. 253–260.

Fairhead J., Leach M. and *Scoones I.* (2012). Green grabbing: a new appropriation of nature? *Journal of Peasant Studies*, no. 39 (2), pp. 237–261.

Fri R.W. and *Savitz M.L.* (2014). Rethinking energy innovation and social science. *Energy Research & Social Science*, no. 1, pp. 183–187.

Global Animal Disease Information System: EMPRES -i (http://giasipartnership.myspecies.info/en/content/fao-empres-i-global-animal-disease-information-system).

Halsey M. (2006). Deleuze and Environmental Damage. London: Ashgate.

Holling C.S. (1973). Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, no. 4, pp. 1–23.

Kortelainen J. (2002). Experience of Ecological Modernization in Forest Industry / In: *Kortelainen J.* and *Kotilainen J. (ed.)* Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Developments. Joensuu: Univ. Joensuu, Karelian Inst.

Kull C.A., de Sartre X. A. and *Castro-Larrañaga M.* (2015). The political ecology of ecosystem services. *Geoforum*, no. 61, pp. 122–134.

Levin K., Cashore B., Bernstein S. and *Auld G.* (2012). Overcoming the tragedy of super wicked problems: constraining our future selves to ameliorate global climate change. *Policy Sciences*, no. 45 (2), pp. 123–152.

Lynch A.J.J., Thackway R., Specht A., Beggs P.J., Brisbane S., Burns E.L., Byrne M., Capon S.J., Casanova M.T., Clarke P.A., Davies J.M., Dovers S., Dwyer R.G., Ens E., Fisher D.O., Flanigan M., Garnier E., Guru S.M., Kilminster K., Locke J., Mac Nally R., McMahon K.M., Mitchell P.J., Pierson J.C., Rodgers E.M., Russell-Smith J., Udy J. and *Waycott M.* (2015). Transdisciplinary synthesis for ecosystem science, policy and management: The Australian experience. *Science of the Total Environment*, no. 534, pp. 173–184.

Lyons K. and *Westoby P.* (2014). Carbon colonialism and the new land grab. *Journal of Rural Studies*, no. 36 (3), pp. 13–21.

McCarthy J. and *Prudham S.* (2004). Neoliberal nature and the nature of neoliberalism. *Geoforum*, no. 35 (3), pp. 275–284.

MEA (Millennium Ecosystem Assessment). Ecosystems and Human Well-being: Biodiversity Synthesis (2005). Washington, DC: Island Press.

Milkoreit M., Moore M.-L., Schoonc M. and *Meek C.L.* (2015). Resilience scientists as change-makers – Growing the middle ground between science and advocacy? *Environmental science & policy*, no. 53, pp. 87–95.

Nel A. (2015). The choreography of sacrifice: Market environmentalism, biopolitics and environmental damage. *Geoforum*, no. 65, pp. 246–254.

One Health Initiative (http://www.onehealthinitiative.com/).

Pauliuk S. and *Hertwich E.G.* (2015). Socioeconomic metabolism as paradigm for studying the biophysical basis of human societies. *Ecological Economics*, no. 119, pp. 83–93.

REDD (www.un-redd.org/).

Restall B. and *Conrad E.* (2015). A literature review of connectedness to nature and its potential for environmental management. *Journal of Environmental Management*, no. 159, pp. 264–278.

Scott R. (2010). Removing Mountains: Extracting Nature and Identity in the Appalachian Coalfields. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Stirling A. (2014). Transforming power: Social science and the politics of energy choices. *Energy Research & Social Science*, no. № 1, pp.83–95.

Sullivan S. (2013). Banking nature? The spectacular financialisation of environmental conservation. *Antipode*, no. 45 (1), pp. 198–217.

Sustainable Development Goals (https:/ /sustainabledevelopment.un.org/topics/sustainabledevelopmentgoals).

The Land Matrix Observatory (www.landmatrix.org/).

The Role of Ecosystems in Developing a Sustainable «Green Economy» (2010). UNEP Policy series. Policy brief 2-2010.

Uganda 2012. Timber Movement and Trade in Eastern DRC and Destination Markets in the Region (2012). WWF-Uganda, Kampala.

Verburg P.H., Dearing J.A., Dyke J.G., van der Leeuw S., Seitzinger S., Steffen W. and *Syvitski J.* (2015). Methods and approaches to modeling the Anthropocene. *Global Environmental Change*. (In press) (http://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.08.007).

Vision 2050 (http://www.wbcsd.org/vision2050.aspx).

Vitousek P.M., Mooney H.A., Lubchenco J. and *Melillo J.M.* (1997). Human domination of earth's ecosystems. *Science*, no. 277 (5325), pp. 494–499.

Wallace R.G., Bergmann L., Kock R., Gilbert M., Hogerwerf L., Wallace R. and *Holmberg M.* (2015). The dawn of Structural One Health: A new science tracking disease emergence along circuits of capital. *Social Science & Medicine*, no. 129, pp. 68–77.